
ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Р.И. Зарипов

Кафедра французского языка
Военный университет Министерства обороны
ул. Волочаевская, 3/4, Москва, Россия, 111033

В качестве объекта настоящего исследования выступает метафорическое моделирование как одно из средств речевого манипулятивного воздействия в политическом дискурсе. Политическая речь, реализуя побудительную функцию, оперирует символами в целях связать понятия, часто едва соприкасающиеся между собой. В этом процессе ассоциативного сближения одну из главных ролей играет метафора. Необходимость создания устойчивых метафор диктуется потребностями коммуникации. В политическом дискурсе использование этого языкового средства особенно актуально, так как оно способно образовать как положительный языковой политический штамп, так и отрицательный образ. Совокупность метафор определенного концептуального поля политического дискурса входят в состав метафорической модели — универсальной эпистемологической категории, которая выражает общую семантику дискурса и формирует у адресата определенные стереотипы мышления. Статья предназначена для студентов и аспирантов филологического направления, преподавателей языкознания и иностранных языков, научных работников и любителей лингвистики.

Ключевые слова: метафора; метафорическая модель; манипуляция; метафорическое моделирование; политический дискурс.

Современный период развития лингвистики характеризуется повышенным вниманием к проблематике массовой коммуникации и ее информационного воздействия на аудиторию — и это не случайно. Практически весь земной шар сегодня охвачен глобализацией и информатизацией, что влечет за собой «стирание» границ и разрушение национальных информационных систем. Неконтролируемые на первый взгляд информационные потоки оказывают дезорганизующее, деструктивное воздействие на сознание человека и, в конечном счете, на социум в целом.

В этой связи логично появление политической лингвистики — науки о речевой деятельности, направленной на «пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [1. С. 6]. Политический дискурс как один из основных массивов информации в массовой коммуникации является центральным понятием политической лингвистики.

Дискурс как лингвистический термин до сих пор не имеет однозначного толкования. Э. Бенвенист определил это понятие «в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [2. С. 279].

Е.В. Сидоров представляет дискурс как «некоторую область языковой действительности... в которой деятельность людей включает в себя производство словесных текстов и их понимание» [3. С. 6]. То есть осмысление его природы состоит

не в принципах познания, а в «констатации и описании необходимостей, присутствующих бытию дискурса самому по себе» [Там же. С. 7].

Согласно концепции Е.В. Сидорова, дискурс предстает неотъемлемой частью языковой действительности, языковым бытием, которое объединяет в себе речевую коммуникацию как «онтологически относительно самостоятельное явление», внутренне противоречивую деятельностьную систему в виде множества коммуникативных актов и текст как центральное связующее звено этой системы, выполняющее социальную функцию по «организации социального взаимодействия людей речевыми средствами» [Там же. С. 7, 219, 220]. По его мнению, дискурс и его миры выступают в качестве «относительно автономных слоев реальности, по отношению к которым их познание субъектами дискурса, включая лингвистическое теоретическое познание, выступает как вторичное начало» [Там же. С. 7].

В.Е. Чернявская выдвигает свое определение дискурса, которое наиболее применимо к разграничению сферы употребления тех или иных текстов. По ее мнению, дискурс подразумевает «коммуникативное событие как интегративную совокупность определенных коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [4. С. 78].

Политический дискурс как один из видов дискурса объединяет все присутствующие в сознании адресанта и адресата компоненты, способные влиять на характер порождения и восприятия текста общественно-политического характера. В число таких компонентов обычно входят политические взгляды автора текста и задачи, ставящиеся при его создании, представления автора об адресате и политической ситуации, в которой будет существовать данный текст, а также другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста [1. С. 41]. А.Н. Баранов считает, что политический дискурс представляет собой «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [5. С. 263].

В процессе политической коммуникации различного рода данных, сведений, фактов, суждений оказывается так много, что рядовому реципиенту становится трудно, а иногда и невозможно их осмыслить. Чаще всего он постепенно привыкает их принимать на веру, не утруждая себя их анализом или хотя бы оценкой.

Добавим к сказанному еще и то, что многие сведения в потоке новостей и не представляются реципиенту достойными какого-то осмысления.

Собственно информация как понятие логико-семантической теории информации встречается в принимаемых им сведениях крайне редко, и это обстоятельство также крайне негативно сказывается на характере подхода реципиента к получаемым сообщениям [6. С. 143]. Об этом же пишет и М.Г. Делягин: «Качественное снижение эффективности индивидуальной переработки информации и, соответственно, адекватности индивидуального восприятия мира вызвано не столько ускорением увеличения объема и разнородности осваиваемой информации самим по себе, сколько прежде всего внешним... и, что самое главное, хаотичным структурированием, „сгущением“ и акцентацией (включая эмоциональную окраску)

осваиваемой информации» [7. С. 167—168]. А избыток неструктурированной информации влечет за собой «размывание» самой точки зрения как таковой и разрушение объективной реальности [Там же].

В результате информационного воздействия на социум сознание отдельно взятого реципиента начинает жить в мире информационных фантомов, которые могут нести в себе деструктивное начало, дезинформацию или антиобщественные установки. Американский теоретик в области массовой информации Р. Энтман писал: «В сознании есть уязвимые точки, они находятся в области, связанной с невежеством, неосведомленностью, предрассудками. Выявлять и использовать их в пропаганде — значит управлять поведением таких людей» [8. Р. 71].

Ряд исследователей (Т.М. Бережная, Б.Н. Бессонов, Д.А. Волкогонов, А.А. Данилова, Е.Л. Доценко, С. Кара-Мурза, Г.А. Копнина, В.Н. Сагатовский, Э. Шостром, Г. Шиллер и др.) выдвигают свои определения манипуляции. На наш взгляд, наиболее полно раскрывающей суть манипулятивного воздействия представляется позиция Е.Л. Доценко, который пишет, что манипуляция — это «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [9. С. 59].

С лингвистической точки зрения функция манипулятивного воздействия на адресата реализуется через применение различных языковых и речевых единиц, которые выступают инструментами языкового насилия — неаргументированного или недостаточно аргументированного вербального воздействия на реципиента, цель которого — изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т.д.) [10. С. 159]. Подчеркнем, что языковое насилие есть манипулятивное речевое воздействие. Защита населения от такого воздействия — первостепенная задача государства и общества.

Одним из основных элементов речевого манипулятивного воздействия является концептуальная метафора, под которой понимаются «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [11. С. 11]. Политика как сфера общественной жизни человека, реализуя побудительную функцию, оперирует символами в целях связать понятия, часто едва соприкасающиеся между собой. Эти символы должны импонировать массовому сознанию и содержать в себе яркие образы, которые находят свое выражение в соответствующих языковых средствах, среди которых одну из главных ролей играет метафора.

Перспективы применения когнитивных эвристик в политическом дискурсе были намечены еще Лакоффом и Джонсоном: помимо общей характеристики своей теории американские исследователи показали применимость ее положений на практике. Например, совершенно лишенная на первый взгляд эмоциональной оценки концептуальная метафора «ТРУД — это РЕСУРС» позволяет скрыть антигуманную сущность экономической политики многих государств, независимо от экономической модели [12. С. 252].

В политической сфере исследования концептуальной метафоры получили широкое распространение, а в российской лингвистике образовали теорию метафо-

рического моделирования (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Т.Г. Скребцова, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов и др.). Соответственно, в политической лингвистике вместо понятия «концептуальная метафора» часто употребляется термин «метафорическая модель», который, однако, имеет разное толкование. Метафорическая (контекстуальная) модель представляет собой совокупность метафор определенного концептуального поля. Она оказывает влияние на процесс интерпретации дискурса и является, как правило, идеологически окрашенной, поскольку каждое лицо, имеющее отношение к политике, должно обладать собственными ценностными установками и в ряде случаев убедить аудиторию в верности своих идей и необходимости им следовать. В целом, метафорическая модель представляет собой не что иное как универсальную эпистемологическую категорию, которая выражает общую семантику дискурса и формирует у адресата картину мира и определенные стереотипы мышления.

В этом состоит новизна современных исследований концептуальных метафор в политической сфере. Абсолютно новой прагматической ценностью для политической лингвистики стала возможность анализировать политический дискурс с точки зрения наличия в нем концептуальных метафор (метафорических моделей), основанных на элементах различных лексико-семантических групп, что, в конечном счете, позволяет выявить закономерности создания в политических текстах метафорического образа того или иного объекта и необходимой интерпретации событий. Например, в последние годы появились исследования образа России и реалий российской политической действительности в иностранном политическом дискурсе:

«Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе» [13];

«Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: 2000 г.» [14];

«Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год)» [15];

«Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ» [16] и др.

Это говорит о том, что на базе теории метафорического моделирования возникает целый комплекс новых научных трудов, посвященных сопоставлению метафорической политической картины мира в политических дискурсах различных государств и определению в них метафорического образа России, что всегда является особенно актуальной проблематикой с перспективой развития российских международных и межкультурных отношений.

Метафоры образуют яркие и запоминающиеся образы, которые остаются в сознании реципиента и начинают действовать изнутри. Их декодирование требует определенных интеллектуальных усилий, и при частом повторении в СМИ аудитория их усваивает и неосознанно начинает менять свои политические убеждения. С. Кара-Мурза отмечает, что метафора, создающая в воображении реципиента кра-

сочный образ, «оказывает на сознание чудодейственный эффект, надолго отшибая здравый смысл. Чем парадоксальнее метафора (т.е. чем она дальше отстоит от реальности), тем она лучше действует» [17. С. 442]. Однако в политическом дискурсе всегда присутствуют и архетипичные метафоры (archetypal metaphors), основанные на образах «природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации», то есть универсальных архетипах [13. С. 49]. Они легки для восприятия и способствуют политическому воздействию и убеждению.

А.П. Чудинов выделяет следующие основные функции политической метафоры: когнитивная, коммуникативная, эвфемистическая, популяризаторская, прагматическая, моделирующая, эстетическая и др. [1. С. 122—130].

Языковое насилие, о котором говорилось выше, реализуя мелиоративную (возвеличительную) и пейоративную (уничижительную) функции, предполагает наличие в речи социально-идеологических мифологем, различных языковых штампов, эвфемизмов и дисфемизмов, иронии, высказываний с установкой на прямое оскорбление, создание отрицательного образа, «демонизацию» и т.д. [10. С. 160—168].

Во многом такие приемы применяются с использованием красочных языковых средств, основой которых выступает метафора, так как именно она способна образовать как эвфемизм и положительный языковой политический штамп, так и дисфемизм, отрицательный или дискредитирующий образ. А при использовании метафорических моделей, пронизывающих тексты одной тематики политического дискурса и описывающих один и тот же объект, воздействие на адресата становится системным и непрерывным.

Такая способность метафорического моделирования оказывать то или иное концептуальное воздействие на адресата представляется особенно актуальной для политтехнологов ввиду постоянно ведущейся политической борьбы. Как отмечает в этой связи И.М. Михалёва, «используя определенную метафорическую модель, говорящий способен выстроить выгодную ему картину мира в сознании слушателя» [18. С. 123]. Г.П. Байгарина подчеркивает, что «активное использование метафоры с ее способностью воздействовать на восприятие действительности под определенным углом зрения является ярким примером отказа от открытой пропаганды тех или иных идей и перехода к завуалированному манипулированию массовым сознанием» [19. С. 18].

Анализ метафорики иностранного политического дискурса позволяет сделать вывод о картине политической действительности, которую стремятся выстроить политики и средства массовой информации этого государства. С точки зрения внешней политики метафорическая мозаика позволяет сформировать у рядового реципиента определенное отношение к какой-либо стране. Необходимость создания устойчивых метафор диктуется потребностями коммуникации. Ведь пока описание какой-либо ситуации, представления, стереотипа и т.п. не превратилось в знак (а национальная метафора функционирует, прежде всего, как знак), оно не может быть понято однозначно всеми членами языкового коллектива.

Например, по отношению к странам, не входящим в «золотой миллиард», многие технологически развитые страны Запада проводят политику внедрения

в массовое сознание чужеродных типов культуры и модификации поведения людей и социальных групп «с целью создания „однополюсного мира“ как наиболее совершенной модели мирового порядка» [20. С. 388]. Чтобы подчеркнуть преимущества западного мира перед остальным, в сознание собственного населения активно внедряется «демонизированный» образ этих «незападных» стран. Вот как, в частности, «демонизируют» образ современной России во Франции, по свидетельству одного из лидеров правой оппозиции: «Достаточно открыть газеты, чтобы увидеть демонический образ вашей страны. Называют диктатурой, закрытой страной. При этом Китай или Катар с Саудовской Аравией, где с индивидуальными свободами (я уж молчу про права женщин) проблемы, не трогают. О вашем лидере и о народе как таковом пишут нечестно, что и бьет пока по имиджу страны» [21].

В Германии мысленно поделили все население России на тех, кто поддерживает Путина, и на тех, кто против него. И только с последними работать — это «хорошо, прогрессивно и интересно», тогда как люди, не состоящие в оппозиции — «плохообразованные простаки» [22. С. 10].

В настоящее время освещение российской политической жизни средствами массовой информации Западной Европы происходит «на автопилоте по определенному шаблону» [23]. Этот шаблон включает три основных положения:

- 1) Владимир Путин — диктатор во главе полицейского государства;
- 2) всякое движение оппозиции Владимиру Путину — это демократическое движение, и Россия только выиграет от того, что кто-то другой возглавит государство, кем бы этот кто-то ни был;
- 3) всякое действие правоохранительных или судебных органов против подобного оппозиционного движения — преследование, а упомянутый оппозиционер — образец добродетели [Там же].

В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации подобное негативное отражение российской действительности в иностранном политическом дискурсе подпадает под следующие виды возможных угроз информационной безопасности Российской Федерации:

- угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации;
- манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации) [24. С. 4].

Более того, действия субъекта информационного воздействия по формированию образа России в иностранном политическом дискурсе в ряде случаев могут трактоваться как возможные внешние угрозы информационной безопасности РФ:

- деятельность иностранных политических, экономических, военных, разведывательных и информационных структур, направленная против интересов Российской Федерации в информационной сфере;
- стремление ряда стран к доминированию и ущемлению интересов России в мировом информационном пространстве, вытеснению ее с внешнего и внутреннего информационных рынков [Там же].

Последствием такого предвзятого освещения жизни в России является ложное восприятие европейским и мировым сообществом реалий российской политиче-

ской жизни. Э.В. Будаев пишет, что «субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности» [25. С. 23]. Это позволяет сделать вывод, что и «поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека», которая была ему внушена извне [Там же].

В настоящее время на Западе Владимир Путин и российская власть в целом преподносятся как «темные силы» и абсолютное зло [23]. Это в известной мере соответствует внешнеполитическим целям Запада. Отметим, однако, что в ходе различного рода межгосударственных переговоров их участники обычно не позволяют себе резких, жестких высказываний и определений, стремясь раскрывать даже самые радикальные предложения и оценки в аккуратных, сдержанных выражениях. Этот язык представляет собой разновидность официально-делового стиля, отличается нейтральностью изложения и отсутствием субъективно-оценочных элементов. Он резко контрастирует с языком прессы, освещающей внешнеполитические новости. Как правило, авторы газетных публикаций не гнушаются использовать самые жесткие определения и оценки, пишут обо всем открыто и предвзято.

Подчеркнем, что в подобного рода материалах, использующих язык публицистического стиля, с наибольшей открытостью выражаются истинные внешнеполитические цели и истинное отношение к событиям в мире. Место отточенных, взвешенных формулировок занимают яркие образные выражения, в которых и передается понятный адресату смысл оценок, позиций и отношений. Например, в передовой статье в газете «Le Figaro» Президент Российской Федерации назван *maître du Kremlin* и даже *neo-tsar* [26]. Подобные определения встречаются довольно часто во французской прессе и предназначаются для того, чтобы выразить истинное отношение французских правящих кругов к современной России, их оценку деятельности российской правящей элиты. Заменяя такие слова, как *président russe, chef de l'Etat russe, président de la Fédération de Russie* на *maître du Kremlin* или *neo-tsar*, субъект речи нарочито выражает свое отношение к главе Российского государства. Во-первых, из использованных выражений естественно вытекает, что российский Президент — не демократ, а нецарь, не глава государства, а хозяин (*maître*), то есть Россия — это «собственность хозяина», страна с самодержавным строем правления и т.п.

На радиостанции RFI Президента России называют *Vladimir le terrible* [RFI, 20.07.2013]. Игра слов, возникающая при соединении прилагательного *terrible* с именем *Vladimir* подталкивает реципиента к мысленному сравнению Путина с царем Иваном Грозным, историческим правителем России, имя которого ассоциируется с жестокостью.

Частое употребление во французском политическом тексте концепта «царь» и производных от него синонимов в отношении Президента России свидетельствует о том, что в системе образов французского языкового общества важное место занимает монархическая концептуальная метафора «ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ — это ЦАРЬ». А.П. Чудинов подчеркивает, что подобная репрезентация действительно характерна и для американских СМИ, которые называют российского прези-

дента *President of all Russia* (президент всея Руси), *the Russian strongman* (русский властитель), *Russian tsar* (русский царь) и т.п. [1. С. 222].

При большом количестве подобных метафорических сравнений во французском политическом дискурсе потенциальная метафорическая модель образа России примет вид: «РОССИЯ — это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ». Необходимо подчеркнуть, что она давно укоренилась в сознании западного читателя, у которого история России традиционно ассоциируется с варварством, деспотизмом, ложной цивилизованностью [27. С. 42].

Вышеперечисленные метафоры дают реципиенту следующую концептуальную установку: Россия всегда была и остается страной самодержавной, авторитарной. Безусловно, этому можно найти подтверждение в современной риторике французских политиков. В частности, Президента Путина довольно часто характеризуют как человека «сильного»: «*L'épreuve de la Russie d'aujourd'hui c'est de remplacer un homme fort...*» [TV5MONDE, 12.06.2013]. Такая метафора положительно его характеризует как политика, однако контексты в целом, как в данном случае, несут отрицательную коннотацию (*remplacer* — «заменить») в отношении действующей власти (с точки зрения внутренней политики) и страны (с точки зрения внешней политики).

Таким образом, мы видим, как с помощью метафорической модели «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ» формируется оценка всего государственного строя в России как строя недемократического, авторитарного, самодержавного.

Например, во французском политическом дискурсе в отношении российского государственного строя используется термин «*régime*». Как в русских, так и во французских политических текстах он, как правило, выполняет пейоративную функцию и несет резко отрицательную окраску, ассоциируясь с такими «кровавыми» правителями, как Гитлер, Муссолини и т.д., обычно имея свойства дисфемизма. Несмотря на то, что *régime* может быть *démocratique* [28. Р. 2165], гораздо чаще с этой лексемой употребляются прилагательные *autocratique*, *dictatorial*, *monarchique*, *oligarchique*, *ploutocratique* [Там же]. Понятием *régime* во французских общественно-политических текстах характеризуется государственный строй России («*régime Poutine*»), Сирии («*régime Bachar El-Assad*»), Ливии («*régime Kadhafi*»), причем в сочетании с номинацией правителя без предлога принадлежности *de* выражение приобретает характер эпитета. В то же время применительно к Н. Саркози и Ф. Олланду *régime* означает «диета» [29].

С такими номинациями, как «*régime Poutine*», действует правило повторения — чем больше они будут применяться в речевой практике, тем они глубже «осядут» в сознании реципиентов. Более того, вышеозначенная метафора употреблена в соответствующем ей негативном по отношению к власти и самому Путину контексте, что усиливает эффект воздействия на адресата.

Стоит отметить, что в отдельно взятом примере метафорического словоупотребления понятийная сфера-источник может быть истолкована неоднозначно, и в связи с этим представляется достаточно сложным выявить конкретную мета-

форическую модель, которая проводится автором сквозь всю семантику текста (текстов). Объективность в определении метафорической модели достигается с возрастанием количества метафорических словоупотреблений в процессе контент-анализа, когда представляется возможным выявить ее исходное концептуальное поле.

Не менее резко оценивается и внешнеполитическая деятельность России. *Bienvenue en Absurdistan* — так была озаглавлена статья в газете «Le Monde» [Jégo, 2013], посвященная оценке закона Димы Яковлева, принятого Государственной Думой. Автор статьи осуждает содержание этого закона, считает его антиамериканским и абсурдным. Более того, свой вывод он распространяет и на Россию в целом. Отсюда и дисфемизм *Absurdistan*, который автор статьи использует вместо естественного в данном контексте обозначения (Россия, РФ и т.п.). Здесь мы можем сказать, что метафора, образованная с помощью суффикса «стан», который применяется в географических названиях некоторых азиатских стран, и лексемы «абсурд» формирует негативный для реципиента образ России — абсурдного восточного государства с непоследовательной внешней политикой.

Анализ образа какой-либо страны в иностранном политическом дискурсе позволяет системно рассмотреть подаваемую в нем информацию о реалиях ее внутренней и внешней политики, политических событиях и общей ситуации в ней. Специфика политического дискурса, широко присутствующего во всех видах СМИ, заключается в том, что он обеспечивает передачу населению политических и идеологических установок, субъективных (часто предвзятых) оценок событий, шаблонов мышления. Выступления политических лидеров и интеллигенции, содержание новостных блоков и комментарии специалистов, политические дебаты и предвыборные программы — все эти источники политической информации как нельзя лучше отражают позицию общественных кругов в отношении изучаемого объекта. Таким образом, анализ образа России в политическом дискурсе иностранных стран в синхроническом и диахроническом аспекте представляет собой не что иное, как элемент базиса собственной информационной безопасности.

Полагаем, что метафора является одним из главных языковых средств политической и идеологической ориентированности на стилистическом уровне языка. Она является одним из средств реализации персуазивной стратегии в текстах политического дискурса. Здесь проявляется ее свойство суггестивности — способность внушения реципиенту определенных концептуальных установок и стереотипов через эмоционально-психологическое состояние. Еще в начале XX в. В.М. Бехтерев писал, что «внушение действует путем непосредственного прививания психологических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике» [30. С. 2].

При этом важно подчеркнуть, что применение метафоры в политическом дискурсе является не банальным приемом украшения речи, а естественным способом творческого мышления и именно в этом своем качестве оказывается эффективным способом реализации персуазивной стратегии адресанта. В современном политическом дискурсе частотность метафор высока, и это объясняется тем, что «мета-

фора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [1. С. 122]. Не случайно в этой связи, что «в политическом дискурсе метафоры оказываются наиболее часто цитируемой составляющей, которая задает не только тему обсуждения, но и ее предварительную оценку» [11. С. 189].

Использование метафоры в масс-медийной части политического дискурса позволяет значительно усилить ее воздействие и расширить аудиторию, то есть «зону поражения». Тем не менее, метафора не может быть одинаково эффективной в разных текстах политического дискурса. Так, Л.А. Гаврилов различает два типа текстов, фигурирующих в газетном тексте: тексты в целом объективного характера, в которых «доминирующее положение занимает референтный элемент», и тексты субъективного характера, в которых не просто констатируются события и приводится фактологическая информация, но и широко присутствуют комментарии автора, оценочная лексика [6. С. 138]. Обращая внимание на это замечание, следует пояснить ряд моментов.

1. Стилевой дуализм присущ не только газетным текстам, но и всем текстам, входящим в массив политического дискурса, в котором субъективная часть (дебаты, комментарии, интервью, выступления, статьи) значительно превышает объективную. Для большей объективности анализ метафор необходимо проводить не только в институциональной, но и в масс-медийной части политического дискурса. Несмотря на то, что масс-медийный политический дискурс создается профессиональными журналистами, в нем отражаются коммуникативные практики и ценностные установки политиков и рядовых граждан [13. С. 35].

2. Метафоры в институциональном политическом дискурсе используются гораздо реже, что связано с наличием в них исключительно фактологической информации и отсутствием оценок или комментариев адресата. Напротив, в масс-медийной части политического дискурса мы наблюдаем широкое использование метафор, которые необходимы адресанту для передачи субъективно-оценочной, модально-эмоциональной и образно-метафорической информации.

В политическом дискурсе прагматический потенциал метафор сознательно используется для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход показывает, что метафоры определяют и в то же время отражают сознание человека. Анализ метафор есть анализ концептуальных структур, которые формируют картину мира реципиента, он позволяет выявить общую семантику дискурса и субъективную позицию автора.

Выводы

1. Информационное пространство оказывает на адресата манипулятивное воздействие, в результате которого ему прививаются ложные стереотипы мышления и концептуальные установки. Последствием такого воздействия является подмена общественных ценностей и изменение общественного сознания. С лингвистической точки зрения манипулятивное речевое воздействие выражается через языковое насилие — неаргументированное или недостаточно аргументированное вербальное воздействие на реципиента, цель которого — изменение его личност-

ных установок. Система информационной безопасности призвана обеспечить защиту населения от такого воздействия.

2. В собственных политических интересах необходимо отслеживать иностранное общественное мнение о России. Существует достаточно ограниченное количество средств противодействия активно проводящейся на Западе антироссийской пропаганде, однако анализ образа России в иноязычном политическом дискурсе может стать значимым элементом в стратегии нашего правительства по улучшению имиджа страны за рубежом.

3. Политический дискурс, который в нашем понимании представлен интегративной совокупностью текстов политической содержательно-тематической направленности с учетом всех факторов, влияющих на порождение и восприятие речи, обеспечивает передачу населению определенных политических и идеологических установок, стереотипов мышления и концептуальных образов, которые часто выражаются с помощью метафорических выражений.

4. Метафора является одним из основных языковых средств политического и идеологического воздействия на стилистическом уровне языка, выполняя эпистемологическую, манипулятивную, персуазивную, аксиологическую, эвристическую и др. функции. Использование метафорических выражений в политическом дискурсе способствует формированию определенной политической позиции граждан, а с внешнеполитической точки зрения — определенного отношения к той или иной стране.

5. Использование политической метафоры более эффективно в текстах публицистического стиля, который отличается менее строгими рамками употребления языковых единиц и носит ярко выраженный субъективный характер. Совокупность политических метафор, элементы которых образуют соответствие между концептуальным полем-источником и концептуальным полем-целью, формируют метафорическую модель, которая является универсальной эпистемологической категорией, выражающей общую семантику дискурса и формирующей у адресата картину мира и определенные стереотипы мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: уч. пос. 4-е изд. — М.: Флинта, Наука, 2012.
- [2] *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М., 1974. — С. 5—16.
- [3] *Сидоров Е.В.* Онтология дискурса. — Изд. 2-е. — М.: Либроком, 2009.
- [4] *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: уч. пос. — М.: Флинта, Наука, 2006.
- [5] *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: уч. пос. Изд. 4-е, испр. и доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- [6] *Гаврилов Л.А.* О семантико-информационном содержании современных газетных текстов // Аксиомы и парадоксы языка: структура, коммуникация, дискурс: материалы VII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 28 июня 2013 года. — М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2013. — С. 136—145.
- [7] *Делягин М.Г.* Реванш России. — М.: Яуза, Эксмо, 2008.
- [8] *Entman R.* Power, Politics, Media. — N.Y., 1982.

- [9] *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, Юрайт, 2000.
- [10] *Котнина Г.А.* Речевое манипулирование: уч. пос. 2-е изд. — М.: Флинта, 2008.
- [11] *Баранов А.Н.* Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — С. 7—21.
- [12] *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- [13] *Будаев Э.В.* Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
- [14] *Каслова А.А.* Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: 2000 г.: Дисс. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.
- [15] *Солопова О.А.* Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): Дисс. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
- [16] *Моисеева Т.В.* Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ: Дисс. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.
- [17] *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- [18] *Михалёва О.Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дисс. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004.
- [19] *Байгарина Г.П.* Оценочность как универсалия публицистического текста // Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как национального: материалы III Междунар. научно-методич. конференции. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С. 17—19.
- [20] *Гайдарева И.Н.* Информационная составляющая национальной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2007. — № 1. — С. 386—392.
- [21] *Чинкова Е.* Лидер Национального фронта Франции Марин Ле Пен: «Россию у нас намеренно демонизируют» // Комсомольская правда. — 2013. — 19 июня.
- [22] *Эрлих А.* Сказки, природа и Путин // Литературная газета. — 2012. — 17—23 октября. — С. 10.
- [23] *Guérolé T., Ryzhakova K.* Poutine et l'Europe: gagner la bataille de l'image // La Russie d'aujourd'hui. — 2013. — 28.07.
- [24] *Данилова А.А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. — М.: Добросвет; Изд-во «КДУ», 2011.
- [25] *Будаев Э.В.* Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 1. — С. 16—32.
- [26] *Thréard Y.* La mauvaise farce // Le Figaro. — 2013. 3.01.
- [27] *Гордон А.В.* Сквозь лабиринт стереотипов: Три века постижения Другого // Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. глобал. проблем. — М., 2012. — С. 11—46.
- [28] *Le Petit Robert.* — P.: Le Robert, 2011.
- [29] *Balkany: Sarkozy suit un «régime sévère»* // Le Parisien. — 26.07.2009.
- [30] *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. — СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1908.

MANIPULATION IMPACT THROUGH METAPHORS IN POLITICAL DISCOURSE

R.I. Zaripov

The Chair of French Language
Military University of the Russian Federation Defense Ministry
Volochaevskaya str., bld. 3/4, Moscow, Russia, 111033

The article covers the metaphorical modeling in a political discourse as one of linguistic manipulation impact means. Political speech exercising a motivation function use symbols in order to link concepts which are not often even adjoined. And it's a metaphor that plays one of leading roles in this process. Communication needs stable metaphors. It's very important to use this linguistic means in a political discourse as it's able to form a positive stock phrase and a negative figure. The summation of metaphors in a definitive conceptual domaine of a political discourse form part of a metaphorical model that is an universal epistemological category expressing a general discourse semantics and organizing special mentality stereotypes for a message recipient. The article is designed for students and post-graduate students specialized in philology, lecturers and professors of linguistics and foreign languages, scientists and amateurs.

Key words: metaphor, metaphorical model, manipulation, metaphorical modeling, political discourse.

REFERENCES

- [1] *Balkany: Sarkozy suit un «régime sévère» // Le Parisien. — 26.07.2009.*
- [2] *Baranov A.N. Vvedenie v prikladnyu lingvistiku: Uchebnoe posobie. Izd. 4-e, ispr. i dop. — M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2013.*
- [3] *Baranov A.N. Oчерk kognitivnoy teorii metaphory // Baranov A.N., Karaulov U.N. Russkaya politicheskaya metaphora. Materialy k slovaru. — M., 1991. — P. 184—193.*
- [4] *Baranov A.N. Predislovie redaktora. Kognitivnaya teoriya metaphory pochti 20 let spustya // Lakoff G., Jonson M. Metaphory, kotorymi my zhivem. 2-e izd. — M.: Izd-vo LKI, 2008. — P. 7—21.*
- [5] *Baygarina G.P. Ozenochnost kak universaliya publitsisticheskogo teksta // Tekst: Problemy I perspektivy. Aspekty izucheniya v zelyah prepodavaniya russkogo yazyka kak nazionalnogo: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferenzii. — M.: Izd-vo MGU, 2004. — P. 17—19.*
- [6] *Behterev V.M. Vnushenie I ego rol v obschestvennoy zhizni. — SPb: Izdanie K.L. Rikkera, 1908.*
- [7] *Budaev E.V. Metaphoricheskoe modelirovanie postsovetskoй deystvitelnosti v rossiiskom I britanskом politicheskom diskurse: diss... kand. philol. nauk. — Ekaterinburg, 2006.*
- [8] *Budaev E.V. Stanovlenie kognitivnoy teorii metaphory // Lingvokulturologiya. — Ekaterinburg, 2007. — Vyp. 1. — P. 16—32.*
- [9] *Gavrilov L.A. O semantiko-informazionnom sodержanii sovremennyh gazetnyh tekstov // Aksiomy I paradoksy yazyka: struktura, kommunikaziya, discourse: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferenzii po aktualnym problemam teorii yazyka I kommunikazii. 28 iunya 2013 goda. — M.: ZAO «Kniga I biznes», 2013. — P. 136—145.*
- [10] *Gaydareva I.N. Informazionnaya sostavlyauschaya nazionalnoy bezopasnosti // Vestnik Adygueiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Reguionovedenie: philosophiya, istoriya, soziologiya, urisprudenziya, politologiya, kulturologiya. — 2007. — № 1. — P. 386—392.*
- [11] *Gordon A.V. Skvoz labirint stereotipov: Tri veka postizhenia Drugogo // Obraz sovremennoy Rossii vo Franzii: Opyt mezhdiziplinarnogo analiza: Sb. St. / RAN. INION. Zentr nauch.-inform. issled. global. i regional. problem. Otd. global. problem. — M., 2012. — P. 11—46.*

- [12] *Danilova A.A.* Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoy informazii. 2-e izd. — M.: Dobrosvet, Izd-vo «KDU», 2011.
- [13] *Delyaguin M.G.* Revanche Rossii. — M.: Yauza, Eksmo, 2008.
- [14] *Dozenko E.L.* Psihologuiya manipulyazii: fenomeny, mehanizmy i zaschita. — M.: CheRo, Urait, 2000.
- [15] *Kara-Murza S.G.* Manipulyaziya soznaniem. — M.: EKSMO-Press, 2001.
- [16] *Kaslova A.A.* Metaphoricheskoe modelirovanie prezidentskih vyborov v Rossii i SSHA: 2000 g: diss. ... kand. philol. nauk. — Ekaterinburg, 2003.
- [17] *Kopnina G.A.* Rechevoe manipulyativnoe vozdeystvie: uch. pos. 2-e izd. — M.: Flinta, 2008.
- [18] *Lakoff G., Jonson M.* Metaphory, kotorymi my zhivem. 2-e izd. — M.: Izd-vo LKI, 2008.
- [19] *Mihaleva O.L.* Politicheskij diskurs kak sfera realizazii manipulyativnogo vozdeystviya: dis. ... kand. philol. nauk. — Irkutsk, 2004.
- [20] *Moiseeva T.V.* Metaphoricheskoe modelirovanie obraza Rossii v amerikanskih SMI i obraza SSHA v rossiiskih SMI: diss. ... kand. philol. nauk. — Ekaterinburg, 2007.
- [21] *Chernyavskaya V.E.* Diskurs vlasti i vlast diskursa: problem rechevogo vozdeystviya: uch. pos. — M.: Flinta, Nauka, 2006.
- [22] *Chinkova E.* Lider Nazionalnogo fronta Franzii Marin Le Pen: «Rossiyu u nas namerenno demoniziruyut» // Komsomolskaya Pravda. — 2013. 19 iunya.
- [23] *Chudinov A.P.* Politicheskaya linguistika: uch. pos. 4-e izd. — M.: Flinta, Nauka, 2012.
- [24] *Erlih A.* Skazki, priroda i Putin // Lit. gaz. — 2012. 17—23 oktyabrya.
- [25] *Entman R.* Power, Politics, Media. — N.Y., 1982.
- [26] *Guénolé T., Ryzhakova K.* Poutine et l'Europe: gagner la bataille de l'image // La Russie d'aujourd'hui. — 2013. 28.07.
- [27] *Jégo M.* Bienvenue en Absurdistan // Le Monde. — 2013. 4.01.
- [28] Le Petit Robert. — P.: Le Robert, 2011.
- [29] *Solopova O.A.* Metaphoricheskoe modelirovanie obrazov proshlogo, nastoyaschego i buduschego v diskurse parlamentskih vyborov v Rossii (2003 god) i Velikobritanii (2001 god): diss. ... kand. philol. nauk. — Ekaterinburg, 2006.
- [30] *Thréard Y.* La mauvaise farce // Le Figaro. — 2013. 3.01.